

УДК 316.346.32-053.9
159.922.6

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-1-0-2

Исследовательская статья

Шматова Ю. Е.¹
Гордиевская А. Н.²

Старость глазами жителей региона: ассоциации,
убеждения и образ благополучной старости

Вологодский научный центр Российской Академии Наук (ВолНЦ РАН),
улица Горького 56А, Вологда, 160014, Россия

¹*ueshmatova@mail.ru*

²*alessu85@mail.ru*

Аннотация. Глобальное старение населения актуализирует проблему общественного восприятия старости, поскольку формирующиеся стереотипы влияют на здоровье, социальную активность и продолжительность жизни пожилых людей, могут провоцировать их социальную эксклюзию и самодискриминацию. Остаются недостаточно изученными вопросы о том, как социально-демографические характеристики связаны со структурой представлений о старости, какие смысловые комплексы образуют эти представления и какие факторы формируют позитивный или негативный образ старости, что и составило содержание данного исследования. Эмпирической базой выступили данные репрезентативного опроса населения Вологодской области (N=1500, 2025 г.). Использовались три блока вопросов: открытый об ассоциациях со словом «старость» (с последующей группировкой ответов в девять смысловых категорий), закрытый из 16 суждений о старости и пожилых людях (5-балльная шкала согласия), закрытый вопрос о составляющих «благополучной старости». Анализ проводился в разрезе социально-демографических групп (пол, возраст, семейное положение, образование, доход, тип поселения, удовлетворенность жизнью, психологическое состояние) с применением методов описательной статистики и анализа сопряженности. Выявлена амбивалентность восприятия старости: в открытых ассоциациях преобладает тема физического нездоровья (53%), однако в ответах на закрытые вопросы выделяется уважительное отношение к пожилым. Установлено, что негативные представления образуют устойчивые смысловые связки (болезни – одиночество – бедность), также как и позитивные представления сопряжены друг с другом (семья – отдых – мудрость). Выделены факторы риска (пожилой возраст, низкий уровень образования и дохода, симптомы тревоги и/или депрессии, отсутствие супруга и детей, испытываемое чувство одиночества) и защитные факторы (брак, наличие детей, высшее образование, удовлетворенность жизнью, материальный достаток) формирования негативного образа старости. Показано, что компонентами, составляющими благополучную старость, прежде всего являются здоровье, финансовая обеспеченность, доступ к медицине, семейные отношения, комфортное и безопасное жилье; выделены социально-демографические различия выбора данных компонентов. Полученные результаты демонстрируют, что восприятие старости структурировано и не сводимо к простым категориям «негативное», «нейтральное», «позитивное». Выявленные смысловые блоки ассоциаций и их связь с социально-демографическими характеристиками могут стать основой

для разработки персонифицированных профилактических мероприятий и мер по формированию позитивного общественного дискурса о старости.

Ключевые слова: старость; ассоциации со старостью; болезни; одиночество; опыт; бедность; благополучная старость

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10128, <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>.

Информация для цитирования: Шматова Ю. Е., Гордиевская А. Н. Старость глазами жителей региона: ассоциации, убеждения и образ благополучной старости // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 1. С. 22-44. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-1-0-2.

Research article

Yulia E. Shmatova¹

Alexandra N. Gordievskaya²

**Old age through the eyes of residents of the region:
associations, beliefs, and the image
of a prosperous old age**

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences,
56A Gorky St., Vologda, 160014, Russia
¹*ueshmatova@mail.ru*
²*alessu85@mail.ru*

Abstract. The global aging of the population actualizes the problem of public perception of old age, since the emerging stereotypes affect the health, social activity and life expectancy of older people, can provoke their social exclusion and self-discrimination. Questions remain insufficiently studied about how socio-demographic characteristics are related to the structure of ideas about old age, what semantic complexes form these ideas and what factors form a positive or negative image of old age, which amounted to the content of this study. The empirical basis was the data of a representative survey of the population of the Vologda oblast (N = 1500, 2025). Three blocks of questions were used: an open question about associations with the word “old age” (followed by grouping answers into nine semantic categories), a closed block of 16 judgments about old age and the elderly (5-point consent scale), a closed question about the components of “prosperous old age”. The analysis was carried out by socio-demographic groups (gender, age, marital status, education, income, type of settlement, life satisfaction, psychological state) using descriptive statistics and conjugacy analysis methods. The ambivalence of the perception of old age was revealed: the topic of physical ill-health prevails in open associations (53%), however, in the answers to closed questions, a respectful attitude towards the elderly is highlighted. It has been established that negative ideas form stable semantic connectives (diseases – loneliness – poverty), as well as positive ideas are intertwined with each other (family – rest – wisdom). Risk factors (old age, low level of education and income, symptoms of anxiety and/or depression, absence of a spouse and children, feeling of loneliness) and protective factors (marriage, having children, higher education, life satisfaction, material wealth) of the formation of a negative image of old age. It was shown that the components that make up a prosperous old age are primarily health, financial security, access to medicine, family relations, comfortable and safe housing; socio-demographic differences in the selection of these components were highlighted. The results obtained demonstrate that the perception of old age is structured and not reducible to simple categories “negative”, “neutral”, “positive”. The identified semantic blocks of

associations and their relationship with socio-demographic characteristics can become the basis for the development of personalized preventive measures and measures to form a positive public discourse about old age.

Key words: old age; associations with old age; illness; loneliness; experience; poverty; a prosperous old age

Acknowledgements. The research was supported by Russian Science Foundation grant 23-78-10128, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10128/>

Information for citation: Shmatova, Yu. E., Gordievskaya, A. N. (2026), "Old age through the eyes of residents of the region: associations, beliefs, and the image of a prosperous old age", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (1), 22-44. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-1-0-2.

Введение (Introduction).

Деформация традиционного института семьи, а за ним и старости привела к утрате старшим поколением статуса ключевого источника информации, носителя традиций, знаний. К тому же низкий уровень материального благосостояния обусловили существенное снижение их социального статуса, нивелирование роли в семье, обществе (Колпина, 2015). В обществе широко распространены качественные характеристики старости, связанные с позитивными и негативными социальными стереотипами в отношении людей старшего возраста (Антонов, 2023). Но страхи перед старением остаются актуальным феноменом общественного сознания в нашей стране (Романычев, 2024; Ляликова и др., 2023). Поэтому и по сей день старение сопровождается множеством негативных ассоциаций, стигматизируется и вызывает страх и отторжение (Стрижицкая, 2018; Стрижицкая, 2019), а пожилые люди – одна из самых стереотипизированных социально-демографических групп в современном обществе (Колпина, 2015). Старость ассоциируется преимущественно с ухудшением физического здоровья, снижением когнитивных способностей, изменением финансового положения, бесполезностью, «доживанием», а не полноценной жизнью.

При этом общество неумолимо стареет: доля представителей старшего поколения растет в большинстве стран мира быстрее, чем доля детского

населения. Так, численность лиц старше 60 лет в 2020 г. превысила число детей до 5 лет¹, а к 2030 г. – превысит численность детей до 10 лет, а к 2050 г. – их будет более 2 млрд человек².

Россия также относится к числу демографически старых стран: в 2024 г. каждый пятый житель (19,3%) был в возрасте старше трудоспособного, около 24 млн человек относятся к возрастной группе 65+. При этом процесс демографического старения в нашей стране сопровождается ярко выраженной гендерной асимметрией с двойным превалированием доли женского населения. Позиции России в международных рейтингах по проблемам старшего поколения невысоки: по Active Ageing Index (AAI) – 23 место (из 29 обследованных стран), по Global Age Watch Index (GAWI) – 65 место (из 96 стран), по Natixis Global Retirement Index (NGRI) – 38 место (из 43 стран)³.

По мере усугубления возрастной трансформации населения актуализируется проблематика восприятия старения, т.к. массовая представленность старшего поколения в социально-демографической

¹ Ageing and health. 2022. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (дата обращения: 10.02.2026).

² World Population Prospects 2020. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/DataSources/> (дата обращения: 21.12.2025).

³ Индекс активного долголетия (Active Ageing Index). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/2020/04-01/Hsusyebg/prez-1802.pdf> (дата обращения: 18.02.2024).

структуре не может не формировать у остальной части общества целую систему взглядов на старение и роль пожилого человека в обществе.

Отношение к старости обусловлено возрастными стереотипами, которые усваиваются с детства (Краснова, 2004) и поддерживаются культурной традицией, усиливаются средствами массовой коммуникации и социальным окружением. Предвзятое отношение к старикам влияет на формирование общественного мнения (Илларионова, 2022). Негативные стереотипы не только обуславливают соответствующие дискриминационные практики по отношению к представителям старшего поколения (как на уровне государства, так и бытовом), но детерминируют их самодискриминацию с последующей социальной изоляцией и инфантилизацией (Колпина, 2015: 5).

Актуализирует изучение данной темы и тот факт, что отношение к старости и пожилым людям на институциональном уровне и в повседневной жизни определяет здоровье общества в целом (Илларионова, 2022), а восприятие старения является важным индикатором качества жизни пожилых людей (Петраш, 2024). Общество своим отношением к старости может определять самооощущение и самооценку человека в определённом возрасте, степень удовлетворённости его собственной жизнью (Козлова, 2020; Илларионова, 2022). Поэтому проблема негативной стереотипизации и дискриминации пожилых людей (геронтологический эйджизм) уже не первый год находится в фокусе внимания мировой общественности (Колпина, 2015).

К тому же через призму образов старости происходит ее самопроектирование (Романычев, 2024). Теория воплощения стереотипов Леви описывает как культурные взгляды на завершающий этап жизни воплощаются в нашем собственном старении и влияют на функционирование и здоровье. Автор полагает, что данные стереотипы усваиваются на протяжении всей жизни,

могут действовать бессознательно, приобретают значимость из-за самоактуализации и используют множественные пути. Центральный тезис теории заключается в том, что процесс старения отчасти является социальной конструкцией (Levy, 2009).

Существует большое количество исследований, доказавших важность сформировавшегося образа старости у каждого человека как фактора риска здоровью, благополучию и долголетию старшего поколения (Levy, 2009; Diehl, 2022). Это связано с тем, что возрастные стереотипы по мере взросления становятся саморелевантными (Kornadt, 2016; Deshayes et al., 2020; Крупина, Петраш, 2023). Эйджистские стереотипы о слабости и когнитивном упадке становятся самоисполняющимися пророчествами, тогда как оптимистичный взгляд на старость не имеет минусов и означает, что каждый человек будет воплощать это позитивное будущее для себя и предпринимать шаги для обеспечения собственного здорового старения (Tully-Wilson et al., 2021), что имеет важные последствия для общественного здравоохранения.

Учеными доказано, что оптимистичный взгляд на старость сопряжен с различными аспектами физического и психического здоровья, с более высокой его самооценкой, продолжительностью жизни, когнитивным функционированием (Levy et al., 2002; Kornadt, Rothermund, 2011; Ingrand et al., 2018; Barnes, 2019; Tully-Wilson et al., 2021; Witzel et al., 2022; Westerhof et al., 2023). Восприятие старения влияет на то, как люди готовятся к стрессорам, связанным с возрастом (Kornadt et al., 2015; Luo & Li, 2020; Witzel, 2021). Более того, позитивное восприятие собственного старения может смягчить воспринимаемое воздействие стресса на физическое здоровье. Такие люди физически более активны (Wurm, 2015), правильно питаются (Hooker et al., 2019), менее

уязвимы к стрессовым ситуациям и депрессии (Nah, 2022), чем люди с негативным образом старости. Позитивное восприятие старости на глобальном уровне связано со снижением уровня смертности (Kotter-Gruhn et al., 2009) и расходов на здравоохранение (Levy et al., 2020). С помощью линейной регрессии было выявлено, что положительные стереотипы в отношении старости были связаны с более гибким, адаптивным поведением перед лицом внешних вызовов в период пандемии COVID-19: высокой вероятностью социально дистанцированного поведения, меньшим беспокойством, стрессом и одиночеством, более позитивным функционированием в течение первого года пандемии (Giasson, 2024).

При этом, негативное отношение к старости может отрицательно сказываться на функции органов слуха пожилых людей (Stephan et al., 2022), на их когнитивных показателях (Robertson, Kenny, 2016), самооценке и уровне субъективного благополучия (Chen et al., 2018).

Но ученые отмечают, что страх перед старостью нельзя рассматривать как однозначно негативный фактор, т.к. он может мотивировать человека к изменению своего образа жизни (забота о здоровье), обеспечению финансовой безопасности (накопления, инвестиции), к саморазвитию (Романычев, 2024), а не только провоцировать деструктивное поведение (избегание контактов, суицид, алкоголизм и т. п.).

В социальных науках старость рассматривается как многомерный феномен, сопряженный с изменением социального статуса человека. Поэтому высокую значимость имеет изучение вариативности восприятия данного этапа жизненного пути среди различных социально-демографических групп, а также их представлений о собственной старости.

В 2022 г. в рамках авторского эмпирического исследования сотрудников

Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН и социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова был представлен анализ ассоциаций со словосочетанием «пожилой человек» и проанализирована степень согласия и несогласия участников исследования с различными суждениями о характере и образе жизни пожилых. Было выявлено, что наиболее негативные представления о пожилых сформированы у опрошенных среднего возраста (30-49 лет), горожан и лиц с высшим образованием, а наиболее позитивные – у представителей старшего поколения (60+), лиц предпенсионного возраста, сельских жителей и респондентов с невысоким уровнем образования (не выше среднего). При этом было обнаружено, что большинство респондентов готовы рассматривать пожилых в качестве наставников – мудрых и опытных людей, которые, возможно, растратили часть своего физического потенциала (Ляликова и др., 2023).

Представленный обзор отечественных и зарубежных исследований показывает, что сложившийся в обществе образ старости влияет на психологическое и физическое здоровье пожилых людей, на их социальную активность и продолжительность жизни, а отношение к старению варьируется в зависимости от возраста, пола, культурной среды, социального положения человека и других аспектов. В этой связи особый интерес представляет изучение того, как именно социально-демографические характеристики – не только объективные (пол, возраст, образование, доход), но и субъективные (удовлетворенность жизнью, психологическое состояние) – связаны с представлениями о старости. Ответ на этот вопрос позволит не только зафиксировать распространенность тех или иных стереотипов, но и понять механизмы их формирования, что открывает возможности для

целенаправленной работы по формированию в обществе позитивного образа старости и пожилого человека.

При этом Вологодская область может выступать своего рода модельной территорией. Регион сталкивается с теми же демографическими вызовами, что и большинство субъектов страны⁴. Так, процесс депопуляции и старения населения наблюдается в Вологодской области с 1991 г. Удельный вес старшего поколения вырос за минувшие 30 лет на 50% (мужчин – в 2,2 раза, а женщин – на 30%, что может говорить о росте продолжительности жизни среди мужчин). В 2024 г., также, как и в России в целом, около 19% жителей региона были старше трудоспособного возраста. Эти данные позволяют говорить об актуальности проблемы для региона и востребованности ее изучения, а полученные результаты рассматривать не как сугубо локальные, а как иллюстрацию более общих процессов, характерных для современной России. Конечные итоги могут стать основой для разработки методов улучшения качества жизни в пожилом возрасте, т.к. формирование позитивных взглядов на собственное старение может выступать фундаментом для конструирования продуктивной старости (Петраш, 2024).

В связи с этим целью данного исследования выступает анализ социальных репрезентаций старости и образа «благополучной старости» в различных социально-демографических группах населения.

Методология и методы (Methodology and Methods). В основу исследования легли выборочные результаты социологического опроса «Благополучие населения», проведенного Вологодским научным центром РАН в январе-феврале 2025 г. среди жителей

региона старше 18 лет. Метод – раздаточное анкетирование. Объем выборки – 1500 человек в городах Вологда и Череповец, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском и Шекснинском муниципальных округах. Тип выборки – репрезентативная, квотированная по полу (мужчины, женщины), возрасту (18-24 года, 25-34 года, 35-44 года, 45-54 года, 55-64 года, 65-74 года, старше 75 лет), типу поселения (город/село, сельские населенные пункты, малые и средние города), экономической активности населения (занятые, безработные, экономически неактивные). Ошибка выборки – не более 3%.

Логика изложения материала строится вокруг субъективного восприятия понятия «старость» среди респондентов различных социально-демографических групп. На первом этапе мы анализируем ассоциации со «старостью» (первый открытый вопрос), на втором – стереотипы о старости (второй вопрос), а на заключительном – сформированный образ благополучной старости (третий вопрос) и его взаимосвязь с ассоциациями и стереотипами. В итоге планируем выявить факторы формирования того или иного образа старости.

В основу анализа были положены три вопроса:

1. Напишите 3-5 ассоциаций, которые возникают у Вас со словом «старость»? (*открытый вопрос*)
2. Оцените по 5-балльной шкале, насколько Вы согласны с приведёнными утверждениями о старости? (*закрытый вопрос, 16 вариантов ответа*).
3. Что лично для Вас означает «благополучная старость»? (*закрытый вопрос, 15 вариантов + свой вариант ответа*).

Мы анализировали выбор ассоциаций и суждений о старости в различных группах в зависимости от:

⁴ Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2024 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.] ; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2025. 385 с.

1 – типа поселения (*варианты*: жители г. Вологда, г. Череповец, муниципальных округов, а также отдельно городские и сельские);

2 – пола/возраста (*варианты*: мужчины и женщины 18-24 года, 25-34 года, 35-44 года, 45-54 года, 55-64 года, 65-74 года, 65+ и 75+ лет);

3 – семейного статуса (*варианты*: зарегистрированный брак, есть партнер, разведен/разведена, не замужем/холост, вдова/вдовец);

4 – уровня образования (*варианты*: неполное среднее, среднее, среднее специальное, незаконченное высшее, высшее и выше)

5 – совместного проживания с членами семьи для лиц старше 65 лет (*варианты*: живу один, живу с кем-то, в т.ч. супруга/супруг, без мужа/жены, с детьми/внуками, без детей/внуков);

6 – самооценки благополучия жизни (*варианты*: безусловно неблагоприятная, скорее неблагоприятная, скорее благополучная, безусловно благополучная);

7 – удовлетворённости жизнью по 10-балльной шкале (*варианты*: 1-3 балла (неудовлетворен), 4-5 баллов (скорее неудовлетворен), 6-7 баллов (скорее удовлетворен), 8-10 баллов (удовлетворен));

8 – покупательной способности доходов семьи (*варианты*: «Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать», «Покупка большинства товаров длительного пользования не

вызывает у нас трудностей», «Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды», «Денег хватает только на приобретение продуктов питания», «Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги»)

9 – наличия симптомов тревожного и депрессивного расстройства согласно результатам использования Госпитальной шкалы тревоги и депрессии (Zigmond, Snaith, 1983) (*варианты*: есть симптомы (клинически или субклинически выраженные) и нет симптомов).

Обработка и анализ исходной информации осуществлялись с помощью программного обеспечения Microsoft Office Excel и IBM SPSS Statistics (ver.22.0).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Ассоциации со словом «старость». Проанализировав все ответы на открытый вопрос относительно возникающих у респондентов ассоциаций со словом «старость», мы ранжировали их в 45 групп. Как мы видим на рисунках 1-2, самые популярные стереотипы в отношении старости: пенсия, внуки, болезни, одиночество, бедность. Каждый второй (51,8%) респондент не назвал ни одной положительной ассоциации, 27% – одну, 17% – две. Каждый третий (33,5%) относится к феномену старости более оптимистично и не привел ни одной негативной ассоциации, но по 23% назвали одну или две.

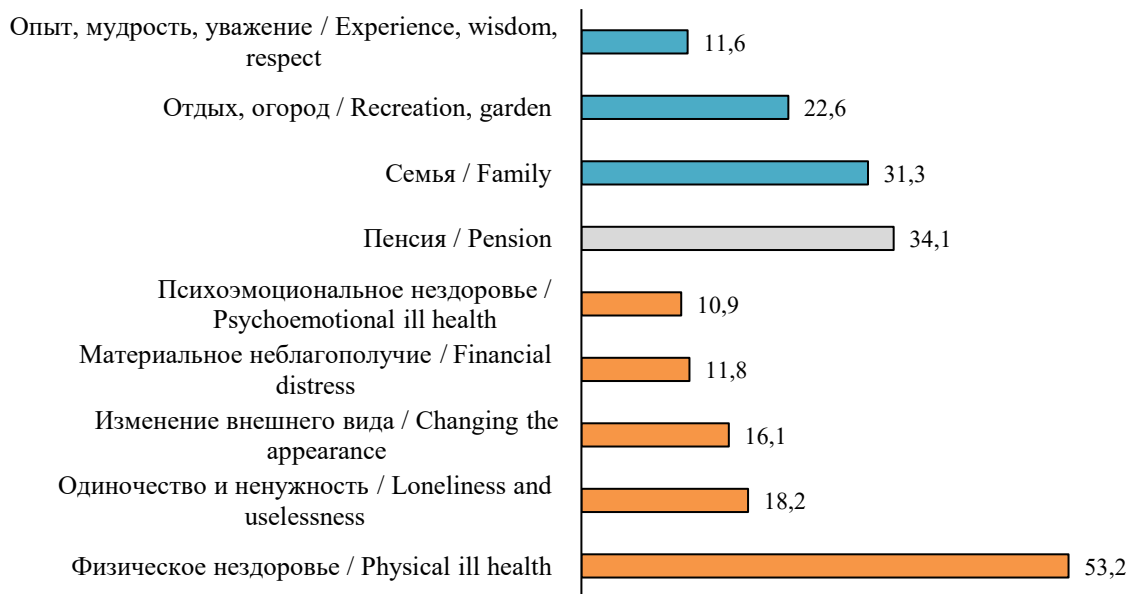

Рисунок 2. Группы ассоциации со словом «старость» среди населения Вологодской области, в %

Figure 2. Association groups with the words «old age» among the population of the Vologda region, %

В рамках комбинационного анализа нами выявлена сопряженность отрицательных групп ассоциаций между собой (Таблица). В частности, респонденты, называющие повышенный риск одиночества, бедности, психологических отклонений, негативных изменений внешности человека в старости, выбирали и такую ассоциацию с пожилым возрастом, как болезни примерно в два раза чаще тех, кто замечает определенные плюсы данного периода жизни. Взаимодополняют друг друга и такие ассоциации, как материальное неблагополучие, одиночество и психоэмоциональные изменения в старости.

Аналогичная ситуация обнаружена и при позитивном взгляде на поздний жизненный этап. Положительные ассоциации сопряжены друг с другом.

Анализ социодемографической дифференциации представлений о

старости выявил устойчивые паттерны ассоциаций среди жителей Вологодской области.

Негативные представления. Представления о старости как о *периоде утраты здоровья* наиболее характерны для молодых мужчин 25-35 лет (62,1%) и лиц старше 75 лет (65,0-67,2%), жителей промышленного центра региона (г. Череповца – 58,4%) и сельской местности (58,6% против 45,7% горожан). Данная ассоциация значительно чаще встречается у разведенных (60,8%) и не имеющих супруга респондентов (58,4%), лиц со средним уровнем образования (59,3%), респондентов, оценивающих свое положение как неблагополучное (57,1%) или испытывающих неудовлетворенность жизнью (72,7%), имеющих симптомы депрессии (56,7%) и, что парадоксально, среди наиболее обеспеченных респондентов (65,5%).

Таблица
Сопряженность смысловых групп ассоциаций со старостью друг с другом, %
Table
Conjugacy of semantic groups of associations with old age with each other, %

Группы ассоциаций / Association groups	Физическое нездоровье / Physical ill health	Одиночество и ненужность / Loneliness and uselessness	Изменение внешности / Change in appearance	Материальное неблагополучие / Material insecurity	Психоэмоциональное нездоровье / Psycho-emotional ill health	Пенсия / Pension	Семья / Family	Отдых/огород / Recreation/vegetable garden	Опыт/мудрость, уважение / Experience/wisdom, respect
Физическое нездоровье / Physical ill health	–	69,4	66,8	65,8	67,1	38,9	31,9	23,0	20,9
Одиночество и ненужность / Loneliness and uselessness	23,7	–	7,7	46,0	32,9	9,7	4,0	3,6	5,1
Изменение внешности / Change in appearance	20,2	6,9	–	3,7	15,4	11,4	10,8	4,5	6,3
Материальное неблагополучие / Material insecurity	14,6	29,8	2,7	–	12,1	5,4	5,4	3,6	5,1
Психоэмоциональное нездоровье / Psycho-emotional ill health	13,8	19,8	10,5	11,2	–	2,6	2,1	1,6	3,2
Пенсия / Pension	24,9	18,1	24,1	15,5	8,1	–	55,0	44,7	15,2
Семья / Family	18,7	6,9	20,9	14,3	6,0	50,5	–	53,7	27,8
Отдых/огород / Recreation/vegetable garden	9,8	4,4	6,4	6,8	3,4	29,7	38,9	–	24,1
Опыт/мудрость, уважение / Experience/wisdom, respect	4,5	3,2	4,5	5,0	3,4	5,2	10,3	12,3	–

Одиночество и социальная изоляция, ощущение ненужности и забытости как атрибуты старости преимущественно отмечают жителями Череповца (29,1%) и респондентами старше 65 лет (22%), особенно женщинами 75+ (28,1%). Также указанная группа ассоциаций чаще упоминается лицами, проживающими в одиночестве (27,9% против 18% в полярной группе), вдовыми (25,8%), респондентами с низким уровнем образования (20,3%) и крайне неудовлетворенных собственной жизнью (31,8%).

Физическое увядание и изменение внешности чаще ассоциируются со старостью жителями областной столицы (г. Вологда – 25%), молодыми мужчинами до 25 лет (22%) и женщинами 35-44 лет (20,5%), что может отражать актуальность темы в период первых возрастных изменений. Интересно, что эта ассоциация также характерна для достаточно обеспеченных групп (27,6% против 17,9% среди испытывающих материальные трудности даже с покупкой продуктов питания) и тех, кто в целом оценивает свою жизнь как благополучную (16,2% против 0% среди «безусловно неблагополучных»).

Бедность как ключевой маркер старости преобладает в восприятии череповчан (16,2%), молодых мужчин до 25 лет (13,6%) и старше 75 лет (25,0%), женщин предпенсионного (55-64 лет – 16,3%) и старческого (75+ – 15,6%) возраста, незамужних (13,8%), вдовых (14,2%), материально необеспеченных и вынужденных занимать в долг респондентов (25,0%). Особого внимания заслуживает высокая доля таких ассоциаций среди представителей старшего поколения, проживающих с детьми и внуками, но тем не менее чувствующих себя одинокими (21,4%). Повышенный риск ассоциирования старости с плохим материальным положением зафиксирован также среди лиц с симптомами тревоги и депрессии

(15% против 10% среди не имеющих симптомов данных расстройств).

Негативные изменения настроения и психоэмоционального фона в старости чаще упоминались девушками до 25 лет (18,9%) и пожилыми мужчинами (13,8% старше 65 лет и 20,0% старше 75 лет), а также материально нуждающимися (25%) и глубоко неудовлетворенными жизнью респондентами (50% среди оценивших ее на 1-3 балла из 10). Примечательно, что респонденты, акцентирующие внимание на ухудшении характера и психологическом неблагополучии в старости, демонстрируют наиболее пессимистичные ожидания относительно продолжительности жизни и называют минимальную цифру числа желаемых (70 лет) и ожидаемых (61 год) лет жизни.

Про *пенсию* как нейтральную ассоциацию со старостью чаще вспоминают сельские жители (46,1% против 24,8 горожан), молодые мужчины (44,2%) и женщины (35,8%) до 35 лет, незамужние/холостые (38,1%), со среднеспециальным образованием (38,4%), удовлетворенные жизнью на 8-10 баллов (44,6%), а также с низкой покупательной способностью (42,9%).

Позитивные ассоциации. Новые значимые семейные роли пожилого человека (бабушка/дедушка) чаще упоминаются сельскими жителями (41,1% против 34,3% городских), мужчинами предпенсионного возраста (55-64 года – 37,6%) и молодыми женщинами в период строительства собственной семьи (25-34 лет – 37,0%), а также респондентами, состоящими в зарегистрированном браке (35,1%), удовлетворенными жизнью (8-10 баллов – 40,7%) и не имеющими признаков тревожного и депрессивного расстройств (34%). Наличие детей достоверно повышает вероятность позитивного отношения к завершающему этапу жизни с точки зрения ценности роли бабушки/дедушки и общения с детьми и внуками (33% против 23% бездетных).

Социальное признание и ассоциации с мудростью, опытом и ролью хранителя

традиций в большей степени распространены среди горожан (12,3% против 5,4% сельских жителей), мужчин молодого (до 25 лет – 15,3%) и предпенсионного возраста (55-64 года – 37,6%), женщин 25-34 лет (14,0%) и 65+ лет (13,6%), респондентов с высшим образованием (16,5% против 7,9% со средним) и с высоким уровнем дохода (19,7% среди тех, для кого «покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей»). Эти представления также отмечаются лицами, характеризующими свою жизнь как «безусловно благополучную» (16,0%), и пожилыми людьми, проживающими с детьми и внуками (16,7%). В то же время, неожиданно высокая доля указанных ассоциаций наблюдается среди крайне неудовлетворенных жизнью респондентов (13,6%) и лиц с симптомами тревоги и депрессии (14%).

Отдых и свободное время как составляющие образа старости наиболее характерны для респондентов, состоящих в официальном браке (23,9%), лиц с невысоким уровнем образования (26,8%), молодых женщин 25-34 лет (28,0%) и мужчин среднего возраста 35-54 года (25%). Эта группа ассоциаций также чаще встречается среди опрошенных, удовлетворенных жизнью в целом (на 8-10 баллов – 27,6%) и не имеющих симптомов тревоги и депрессии (25,0%), но при этом нередко сочетается с оценкой текущей жизни как «безусловно неблагоприятной» (50,0%), что может указывать на сложное влияние скрытых факторов различной природы.

Проведенный анализ убедительно демонстрирует, что восприятие старости жителями Вологодской области не является гомогенным, а глубоко структурировано социодемографическими факторами, формируя сложную мозаику социальных репрезентаций.

Утверждения о старости. Анализ ответов респондентов на закрытый вопрос показал, что они чаще соглашались (выбрали варианты ответа «4» и «5»

баллов)) с положительными утверждениями о старости. Так более половины «скорее» или «полностью согласны» с суждениями о том, что «старость – это заслуженный отдых с гарантированной пенсией» (67%), что «у человека появляется возможность попробовать себя в новом деле» (56%), что «пожилые люди – это хранители традиций и жизненного опыта», «незаменимы в решении сложных рабочих задач, а также в подготовке молодых специалистов» и они достойны «уважения и заботы со стороны окружающих». Каждый второй опрошенный житель региона убежден, что старость является показателем развития общества, при котором достойная жизнь старшего поколения отражает справедливое социальное устройство и благополучие в стране. Чуть меньше половины (48%) отмечают, что «пожилые люди незаменимы в воспитании внуков», являясь опорой семьи. Еще 43% убеждены, что несмотря на утрату здоровья, «пожилые люди могут поддерживать высокий уровень активности и сохранять социальную вовлеченность».

Примечательно, что в Череповце респонденты значительно чаще выбирали данные положительные ассоциации с понятием «старость» (от 60 до 80%), а жители сельских районов, напротив, менее оптимистичны. Так, например, лишь каждый третий полагает, что старшее поколение может оставаться социально активным и вовлеченным в общественную жизнь (в г. Череповце – 60%, в г. Вологде – 41%).

Тем не менее череповчане чаще согласны с такими негативными оценками старости как «плохое здоровье» и «бедность» (более 60%), что совпадает с результатами анализа ответов на открытый вопрос. А жители областной столицы чаще других жителей региона выбирали отрицательные суждения относительно изучаемого периода жизни человека, а именно: «старость – это бремя для общества» (48%, среднее по региону 33%), «обуза для родных» (42% и 32%),

«завершающий этап жизни, которая теряет смысл» (40 и 35%), «одиночество, забытость» и «неприспособленность к современности» (39 и 30%), «снижение работоспособности, устаревание знаний и навыков» (40 и 30%).

Серьезных различий в отношении к старости между мужчинами и женщинами нами не выявлено. Однако, мужчины, не достигшие возраста 65 лет, чаще соглашались с суждением об утрате актуальности знаний и навыков пожилых людей (32% моложе 65 лет и 28% 65+), верят в возможности сохранения социальной активности в пожилом возрасте (42 и 30%). В отличие от мужчин, женщины моложе 65 лет настроены более оптимистично и значительно чаще более возрастных респондентов выбирают позитивные суждения о старости.

Люди с высоким уровнем образования чаще менее образованных соглашались с высказыванием о «несовременности и неприспособленности» пожилых (33,9%) и их экономическом бремени для государства (36,4%).

Семейное положение респондента накладывает определенный отпечаток на его восприятие старости. Так, например, состоящие в официально зарегистрированном браке, чаще остальных отмечают незаменимую роль бабушек и дедушек в воспитании внуков (51,8%) и убеждены, что они достойны уважения и повышенной заботы (54,2%). А разведенные, напротив, акцентируют внимание на негативных суждениях, а именно: старость – это завершающий унылый этап жизни (38,6%), бедность (51,7%), болезни (53,6%), бремя для общества (37,3%) и родных (35,3%), устаревшие знания (34,7%), одиночество и изолированность (34,6%). Примечательно, что факт наличия детей у респондента благотворно влияет на его восприятие старости. Они чаще бездетных выбирают практически все положительные характеристики данного жизненного этапа, и чуть реже – негативные.

Представители старшего поколения (после 65 лет), проживающие одни, чаще разделяют все положительные утверждения о старости, а также негативное о повышенном риске одиночества (30,5% против 28,7% проживающих с супругом и 20,5% – с детьми и внуками). Тем не менее, получается, что несмотря на собственное совместное проживание с младшими поколениями, каждый пятый респондент старше 65 лет разделяет мнение о изолированности и забытости пожилых людей. А более трети (36,5%) считают, что в старости у человека нарушаются когнитивные и психические функции, в результате он становится обузой своей семье.

Материально обеспеченные (выбрали вариант ответа «Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать» или «Покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна»), удовлетворенные (поставили 8-10 баллов по 10-балльной шкале) жизнью и считающие ее «безусловно» или «скорее» благополучной люди представляют старость значительно более позитивно, отмечая все ее достоинства (пенсия, мудрость, опыт, уважение, заслуженный отдых, опора близких и т.п.). Среди имеющих низкую покупательную способность дохода («Денег хватает только на приобретение продуктов питания» или «Денег не хватает даже на продукты питания, приходится влезать в долги»), неудовлетворенных жизнью (1-3 балла), характеризующих ее как «неблагополучную» выбор положительных ассоциаций меньше в 1,5-2 раза, а негативных, напротив чаще.

Психоэмоциональное состояние, в свою очередь, также оказывает влияние на восприятие старости. Так старшее поколение с симптомами тревоги и/или депрессии чаще отмечает негативные ассоциации: «бедность» (53%, а среди психологически благополучных 38%),

«обуза для родных» (40% и 29%), «завершающий этап» (38 и 33%), «одиночество» (32 и 24%), «неприспособленность» (35 и 29%). И соответственно реже готово разделить позитивные утверждения о старости.

В рамках данного исследования мы провели сопряженность ассоциаций со старостью в открытом вопросе с предложенными респонденту суждениями о данном жизненном этапе и выяснили следующее. Те, для кого старость ассоциируется с группой «материальное неблагополучие», чаще остальных соглашаются с тезисом, что пожилые люди «часто вынуждены ограничивать себя из-за маленькой пенсии и других финансовых трудностей» (70,8%), «ничего интересного в их жизни не будет» (45,9%), что они «устаревшие и неприспособленные к современности» (45,4%), а их «содержание приводит к высоким расходам государства, при этом они практически не вносят вклад в развитие страны» (43,3%), что они «хуже соображают, становятся ворчливыми, раздражительными, менее самостоятельными в повседневной жизни», становясь обузой для родных (38,5%). Тем не менее они чаще убеждены, что пожилые люди «хранители традиций и жизненного опыта» (59%), и, несмотря на утрату здоровья «могут поддерживать высокий уровень активности и сохранять социальную вовлеченность» (50,3%). Среди них самый высокий удельный вес (19,9%) несогласных с утверждением о «снижении работоспособности и мотивации к профессиональному развитию у пожилых работников».

Респонденты, которые ассоциируют старость с неминуемыми изменениями в худшую сторону характера и психоэмоционального фона пожилого человека, часто соглашаются с тем, что старость – это «болезни и плохое здоровье» (61,1%), «бремя для общества» (46,9%), «устаревание знаний и навыков» (45,0%), «одиночество, изолированность и забытость» (41,0%), «обуза для родных»

(38,2%). В то же время, среди них больше всего удельный вес полагающих, что «достойная жизнь старшего поколения отражает справедливое социальное устройство и благополучие в стране» (60,4%), а пожилые люди «могут поддерживать высокий уровень активности» и социального участия (51,0%) и являются «опорой для близких и незаменимы в воспитании внуков» (55,7%).

Среди жителей региона, считающих одним из спутников старости чувство одиночества и ненужности, больше всего тех, кто отмечает такие достоинства пожилых людей, как «профессионализм, опыт и незаменимость в решении сложных рабочих задач и подготовке молодых специалистов» (58,4%) и «сохранение традиций и передачу жизненного опыта» (61,3%). Но они часто соглашаются с тем, что пожилые люди «хуже соображают, становятся ворчливыми, раздражительными, менее самостоятельными» (39,1%). Около 60% полагают, что отношение к старости является индикатором развития общества.

Те, кто выбрал в качестве ассоциаций со старостью тему семьи, бабушек/дедушек, соответственно чаще других соглашались с утверждениями о значимости пожилых как опоры семьи (56,2%) и особом к ним «уважении и заботе со стороны окружающих».

«Благополучная старость». В рамках опроса мы предложили респондентам порассуждать на тему благополучной старости. В итоге в десятку необходимых условий ее обеспечения, по мнению опрошенных, вошли (рис. 3): хорошее здоровье (76%), финансовая обеспеченность (66%), доступ к качественной медицине (54%), хорошие отношения с родными (50%), удобное и безопасное место проживания (37%), наличие друзей (31%), возможность жить комфортно, не работая (26%), социальная защищенность (21%), отсутствие одиночества (19%), возможность заниматься любимым делом (15%).

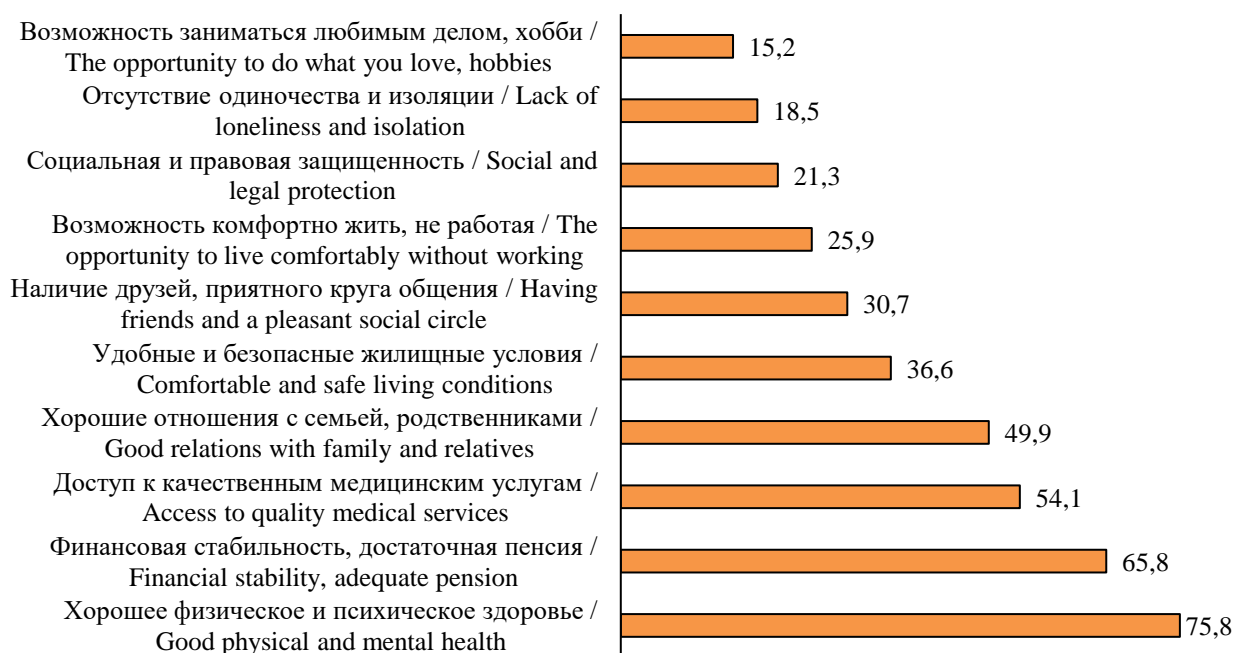

Рисунок 3. ТОП-10 критериев «благополучной старости», в %
Figure 3. TOP-10 criteria for a «prosperous old age», %

Серьезных различий в оценке благополучной старости между мужчинами и женщинами нами не выявлено. Но для пожилых мужчин в возрасте 65-74 лет более значимым, чем для более молодых, становится отсутствие чувства одиночества (26,8%), а после 75 лет – хорошие отношения с семьей и родственниками (для 63,6%) и удобное место жительства (45,5%). Для женщин старше 75 лет возрастает ценность социальной защищенности и доступа к правовым услугам (26,8%). Интересно, что для мужчин близкие семейные отношения становятся более важными для благополучной старости именно после 65 лет (57,7% против 46,6% моложе 65 лет). Для женщин, напротив, их ценность несколько снижается с возрастом (52% до 65 лет и 48% старше 65 лет).

Наличие детей у респондента не оказывает сильного влияния на его восприятие благополучной старости. Однако у бездетных выявлена чуть большая потребность комфортно жить и не работать (33,5%), и заниматься любимым делом (18,8%), а у детных – сохранить

теплые отношения с семьей и родственниками (50,8%).

Для сельских жителей значительно важнее, чем для горожан, оказались состояние здоровья, доступ к услугам здравоохранения, жилищные условия и социальная защищенность.

Невысокий уровень образования повышает значимость практически всех аспектов благополучной старости.

Низкие доходы семьи существенно повышают ценность качественного здравоохранения в старости (56,7%), безопасных условий проживания (42,8%) и социальной защищенности (28,5%), а также отсутствие одиночества (23,8%) и наличие друзей (37,4%).

Семейное положение респондента может оказывать влияние на его предпочтения в отношении благополучной старости. Так, состоящие в официальном браке. Уделяют больше внимания хорошим взаимоотношениям с семьей в пожилом возрасте (52,5%). А для вдовствующих несколько более значимыми, чем для остальных, становятся хорошее физическое и психическое здоровье (79%), финансовая стабильность

(70,1%) и отсутствие изоляции и одиночества (20,4%). Для холостых мужчин и незамужних женщин также, как и для бездетных чуть более важными являются возможность комфортной жизни, занятия любимым делом.

Для представителей старшего поколения, проживающих с детьми и внуками, ценность отсутствия в старости одиночества и изолированности (25,1%) выше, чем у тех, кто живет один (20%), что мы уже отмечали выше при анализе ответов на закрытый вопрос относительно суждений о старости.

Для тех, кто ассоциирует старость с материальными проблемами, несколько выше значимость для благополучной старости финансовой стабильности, здоровья, доступа к качественным медицинским услугам и социальной защищенности. Именно данная группа респондентов в качестве эффективных государственных мер обеспечения благополучной старости значительно чаще остальных называет высокий уровень пенсионного обеспечения (назвали меру «очень важной» 62,1%), льготы на коммунальные услуги лиц (62,7%), программы поддержки малоимущих (53,4%), льготные условия кредитования (40,4%). Те, кто ассоциирует старость с одиночеством, важными мерами роста благополучия пожилых указывают организацию доступной и качественной медицинской помощи (58,9%), развитие психологической поддержки старшего поколения (47,6%), внедрение программ по их вовлечению в активную культурную (41,5%) и спортивную (35,4%) деятельность.

Заключение (Conclusions).

Стереотипы в отношении старости и пожилых граждан, формируемые в научном и общественном дискурсе, часто имеют негативный подтекст. А ценность формирования среди населения позитивных взглядов на собственное старение закладывает основу для конструирования у них продуктивной, активной и благополучной старости.

Результаты анализа проведенного нами репрезентативного опроса населения Вологодской области демонстрируют сложную амбивалентность восприятия старости в регионе, не позволяющую констатировать абсолютное доминирование негативных коннотаций. С одной стороны, каждый второй респондент, думая о старости, вспоминает болезни и все, что с ними связано. Это объективно закономерно, поскольку с годами организм изнашивается и потенциал здоровья существенно снижается. С другой стороны, второе место в рейтинге представлений занимает семья и новые значимые роли пожилого человека в семейных отношениях (бабушка/дедушка), что, на наш взгляд, является позитивным стереотипом. Ответы на закрытый вопрос также выявляют значимую распространенность уважительного отношения к пожилым людям, подчеркивающего их профессиональную ценность, незаменимость в качестве хранителя семейных традиций, воспитательный потенциал и их расширяющиеся возможности отдыха и занятия любимым делом. Значительная часть респондентов рассматривает отношение к старшему поколению как социальный маркер развитости общества.

Можно отметить важную закономерность – у людей преобладает либо в целом более позитивное, либо более негативное восприятие старости и однополярные характеристики сопряжены друг с другом.

Важно отметить, что восприятие старости существенно различается в разных возрастных когортах, отражая актуальные вызовы и тревоги конкретного жизненного этапа. Молодежь (до 35 лет) акцентирует внешние (увядание) и социально-экономические (бедность, психологические изменения) аспекты старости, демонстрируя скорее страх перед неизвестным будущим и культурными стереотипами. Лица среднего возраста (35-54 года) меньше фокусируются на

негативе, чаще отмечая позитивные роли (семья) и перспективы отдыха. Респонденты предпенсионного и раннего пенсионного возраста (55-64 года) показывают более сбалансированную картину, с заметной долей позитивных семейных ролей, но также выражают озабоченность бедностью. Среди лиц старческого возраста (75+) резко возрастает фокус на непосредственных проблемах старости – утрате здоровья, одиночестве, бедности, что отражает реальный опыт возрастных ограничений и потерь.

Определенными факторами риска отрицательного образа старости, согласно проведенному анализу, можно считать, молодой и старший возраст (после 65 лет), отсутствие супруга (особенно развод и вдовство) и детей, невысокий уровень образования и покупательной способности доходов, неблагоприятная самооценка жизни, неудовлетворенность жизнью, симптомы тревоги и депрессии, испытываемое чувство одиночества. Примечательно, что чувство одиночества демонстрирует слабую связь с фактической изолированностью проживания, о чем свидетельствует его высокая распространенность среди пожилых, проживающих с детьми и внуками. Это указывает на значимость качества межпоколенческих отношений и общего социокультурного контекста отношения к старости.

Выделенные нами защитные факторы, способствующие формированию более позитивного отношения к старости и снижению связанных со старением страхов, включают: зарегистрированный брак, наличие детей, высшее образование, профилактика тревоги и депрессии, отсутствие чувства одиночества, субъективная удовлетворенность жизнью, самооценка ее как «благополучной», материальный достаток. Однако последний фактор, согласно полученным результатам, сопряжен с повышенным вниманием на изменениях внешности и

утрате здоровья, что может отражать осознанную стратегию превентивного поведения среди ресурсных групп.

Образ благополучной старости, сконструированный респондентами, интегрирует объективные и субъективные компоненты: сохранение здоровья, финансовую стабильность, доступ к качественной медицине, поддержание хороших отношений с родными и друзьями, комфортные и безопасные жилищные условия, возможность полноценного отдыха и досуга. Выявленная вариативность приоритетов в определении «благополучия» в старости закономерно коррелирует с дифференцированными ожиданиями респондентов в отношении необходимых государственных мер социальной поддержки.

Полученные результаты позволяют выделить несколько моментов, демонстрирующих, на наш взгляд, научную новизну представленного исследования. Во-первых, анализ сопряженности ассоциаций показывает, что негативные представления о старости образуют устойчивые смысловые связи. Это важно для понимания формирования и работы стереотипов. Образ старости структурирован, а не хаотичен, и воздействие на одну составляющую может повлечь за собой изменение других.

Во-вторых, обнаружен ряд неочевидных зависимостей, указывающих на нелинейность связей и влияние иных латентных факторов (возможно, культурных стереотипов или личного опыта ухода за пожилыми). Так, интересен парадокс высокой доли ассоциаций с утратой здоровья и внешней привлекательности среди материально обеспеченных. Вероятно, это связано с наличием у них ресурсов для заботы о себе и, как следствие, более высокой чувствительностью к рискам, связанным с возрастными физическими изменениями. Другой пример: люди, неудовлетворенные жизнью, одинокие, с симптомами тревоги и депрессии чаще упоминают мудрость и

опыт в связи со старостью. Можно предположить, что здесь срабатывает компенсаторный механизм: не находя удовлетворения в настоящем, человек склонен идеализировать те аспекты будущего, которые не зависят от материального благополучия и социального статуса. Изучение подобных скрытых взаимосвязей может стать перспективой дальнейшего развития темы исследования.

В-третьих, обращает на себя внимание расхождение между ответами на открытый и закрытый вопросы. В ассоциациях доминирует медицинская тема (болезни, больницы, врачи) и негативные представления. В то же время при оценке готовых суждений респонденты чаще соглашались с позитивными утверждениями: о заслуженном отдыхе, мудрости, уважении к пожилым. Именно наличие в нашем исследовании открытого вопроса и дальнейшее структурирование полученных ответов позволило выявить неосознанные, но стойкие, чаще отрицательные ассоциации с понятием «старость». Отчасти поэтому наши результаты несколько противоречат исследованию коллег из МГУ, где респондентам были предложены закрытые вопросы (11 вариантов ассоциаций со словом «пожилой человек» и 10 суждений о различных аспектах жизни пожилых). Вместе с тем по ключевому выводу наши данные согласуются: при обращении к закрытому вопросу (суждениям о старости) в обоих случаях фиксируется более позитивный образ старости в восприятии населения. Это позволяет говорить о двух уровнях восприятия у респондента. На поверхностном, стереотипном уровне старость прочно связана с немощью и угасанием. Но при целенаправленном обращении к теме (когда вопросы заставляют задуматься, вспомнить) актуализируются и позитивные установки, которые в обычной жизни могут не озвучиваться. Этот разрыв важен для понимания того, как строить

коммуникацию о старении: важно транслировать, проговаривать плюсы, позитивные моменты данного периода жизни с целью создания у населения оптимистичного взгляда на старение и формирования желания активного долголетия.

В-четвертых, обилие ответов респондентов на открытый вопрос позволило нам выделить несколько блоков устойчивых ассоциаций со старостью, а не только «позитивных», «нейтральных» и «негативных». Фиксируемые уникальные оттенки восприятия образа старости (физическое и психоэмоциональное нездоровье и изменения внешности; межпоколенческие роли в семье и социальное признание данной группы в обществе) имеют самостоятельную научную и практическую ценность. Они позволяют увидеть, что негативный образ не монолитен, а состоит из разных компонентов, которые могут требовать разных мер воздействия. Это дало возможность выявить, что именно вызывает опасения в той или иной группе населения, а значит найти болевые точки и, соответственно, направления профилактики с учетом социально-демографических характеристик и групп риска формирования негативного образа старости.

Так, выделенные нами факторы риска позволяют персонифицировать профилактические мероприятия группам (пожилых) с наибольшей вероятностью негативного восприятия старости: одиноким, вдовым, малообеспеченным, с симптомами тревоги/депрессии. Кроме того, программы формирования позитивного образа старости должны быть дифференцированы: для молодежи – акцент на снятие страха перед внешними изменениями (через развитие медицинских услуг, пропаганду здорового образа жизни и пр.) и бедностью (через повышение финансовой грамотности, развитие соответствующих финансовых инструментов и пр.), для предпенсионеров – на подготовку к новым социальным

ролям (через социальные учреждения, повышение информированности и включенности в различные виды социальной внерабочей активности и пр.), для лиц старше 75 лет – на реальную поддержку здоровья, в т.ч. психологического и коммуникации. Также необходимы меры по улучшению качества межпоколенческих отношений внутри семьи. В этом заключается *практическая значимость* данной работы.

Таким образом, проведенное исследование показало, что образ старости в региональном сознании выступает сложным социальным конструктом, в котором сплетаются объективные условия жизни, возрастные тревоги, территориальная специфика и личностное переживание благополучия или неблагополучия. Выявленные паттерны имеют важное значение для разработки адресных социальных программ поддержки пожилых и формирования позитивного, реалистичного общественного дискурса о старении в регионе, учитывающего эту внутреннюю дифференциацию.

Среди *направлений дальнейшего исследования* мы видим продолжение подобных наблюдений в области трансформирования образа старости при переходе индивида из одной возрастной когорты в другую. Представляет несомненный интерес изучение некоторых латентных связей в формировании образа старости. Предполагается проведение многофакторного анализа. Более углубленного изучения требует, на наш взгляд, проблематика «одинокости в семье», выявленная у пожилых респондентов.

Список литературы

Антонов А. И., Назарова И. Б., Карпова В. М., Ляликова С. В. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // *Народонаселение*. 2023. Т. 26, № 3. С. 131-143. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11.

Илларионова В. Л. Социально-психологические аспекты исследования

старости // *Актуальные вопросы психологии развития и образования: Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28-29 сентября 2021 года*. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2022. С. 79-86. EDN: TEBIQI.

Козлова Н. Д., Жданова С. Ю. Отношение к старению у педагогов в связи с социально-психологическими характеристиками личности // *Психолог*. 2020. № 4. С. 20-22. DOI: 10.25136/2409-8701.2020.4.3278.

Колпина Л. В. Эйджизм в обслуживании пожилых граждан учреждениями здравоохранения и социальной защиты: монография. Ульяновск: Зебра, 2015. 128 с. ISBN: 978-5-9907022-5-7. EDN: ULKPWL.

Краснова О. В. Психология старости / под ред. Д. Я. Райгородского. Москва: Бахрах-М, 2004. 736 с.

Крупина К. М., Петраш М. Д. Образ жизни и психологическое благополучие как предикторы позитивного представления о старении // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*. 2024. Т. 13, Вып. 4. С. 334-345. DOI: 10.18500/2304-9790-2024-13-4-334-345.

Крупина К. М., Петраш М. Д. Представление о старении и образ жизни // *Петербургский психологический журнал*. 2023. № 42. С. 1-21. EDN: BMBUOI.

Ляликова С. В., Назарова И. Б., Карпова В. М. Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе // *Социологические исследования*. 2023. № 10. С. 104-115. DOI: 10.31857/S013216250028308-1.

Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю., Крупина К. М. Адаптация русскоязычной версии опросника «Восприятие старения» Aging Perceptions Questionnaire (APQ) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2024. Т. 14, Вып. 2. С. 223-240. DOI: 10.21638/spbu16.2024.202.

Романычев И. С. Страхи перед старением: к вопросу о мобилизующей роли // *Russian Economic Bulletin*. 2024. Т. 7, № 3. С. 39-46. DOI: 10.58224/2658-5286-2024-7-3-39-46.

Стрижицкая О. Ю. Психология позитивного старения: условия, факторы и социальные эффекты геротрансцендентности:

дис. ... д. психол. наук. Санкт-Петербург, 2018. 263 с. EDN: YKQVQS.

Barnes T. L., Musich Sh., Wang Sh., Kraemer S., Yeh Ch. Self-perception of aging and associated characteristics among older adults // *Innovation in Aging*. 2019. Vol. 3, Iss. Supplement_1. November. P. 837. DOI:10.1093/geroni/igz038.3084.

Chen J., Zheng K., Xia W., Wang Q., Liao Z., Zheng Y. Does Inside Equal Outside? Relations Between Older Adults' Implicit and Explicit Aging Attitudes and Self-Esteem // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. URL: <https://www.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2018.02313> (дата обращения: 10. 02. 2026).

Deshayes M. et al. «Not performing worse but feeling older» the negative effect of the induction of a negative aging stereotype // *Psychology of Sport and Exercise*. 2020. Vol. 51. Article 101793. DOI: 10.1016/j.psychsport.2020.101793.

Diehl M., Wurm S., Levy B., Adults' views of aging as an underestimated risk factor for health, well-being, and longevity. // *Innovation in Aging*. 2022. Vol. 6, Issue Supplement_1. P. 426. DOI: 10.1093/geroni/igac059.1674.

Giasson, H. L., Chopik, W. J., & Yang, H. Self-perceptions of aging predict adjustment during the COVID-19 pandemic. *Psychology and Aging*. 2024. Vol. 39(7), 818-828. DOI:10.1037/pag0000855.

Hooker K., Mejía S.T., Phibbs S., Tan E.J., Stevens J. Effects of age discrimination on self-perceptions of aging and cancer risk behaviors // *The Gerontologist*. 2019. Vol. 59, Supplement_1. Pp. 28-37. DOI:10.1093/geront/gny183.

Ingrand I., Paccalin M., Liuu E., Gil R., Ingrand P. Positive perception of aging is a key predictor of quality-of-life in aging people // *PLoS One*. 2018. Vol. 13, № 10. DOI: 10.1371/journal.pone.0204044.

Kornadt A. E., Rothermund K. Contexts of aging: Assessing evaluative age stereotypes in different life domains // *The Journals of Gerontology: Ser. B*. 2011. Vol. 66B, № 5. Pp. 547-556. DOI: 10.1093/geronb/gbr036.

Kornadt A. E. Do age stereotypes as social role expectations for older adults influence personality development? // *Journal of Research in Personality*. 2016. Vol. 60. Pp. 51-55. DOI: 10.1016/j.jrp.2015.11.005.

Kotter-Grühn D., Kleinspehn-Ammerlahn A., Gerstorf D., Smith J. Self-perceptions of aging predict mortality and change with approaching death: 16-year longitudinal

results from the Berlin Aging Study. // *Psychology and Aging*. 2009. Vol. 24(3). Pp. 654-667. DOI: 10.1037/a0016510.

Levy B. R., Slade M. D., Chang E.S., Kanno S., Wang S. Y. Ageism amplifies cost and prevalence of health conditions. // *The Gerontologist*. 2020. Vol. 60 (1). Pp. 174-181. DOI: 10.1093/geront/gny131.

Levy B. Stereotype embodiment: A psychosocial approach to aging // *Current Directions in Psychological Science*. 2009. Vol. 18 (6). Pp. 332-336. DOI: 10.1111/j.1467-8721.2009.01662.x.

Levy B. R., Slade M. D., Kasl S. V., Longitudinal Benefit of Positive Self-Perceptions of Aging on Functional Health // *The Journals of Gerontology: Series B*. 2002, Vol. 57, Issue 5. Pp. 409-417, DOI: 10.1093/geronb/57.5.P409.

Nah S., Martire L., Tate A. Physical function, self-perceptions of aging, and depressive symptoms among older adults. // *Innovation in Aging*. 2022. Vol. 6, Issue Supplement_1. P. 527. DOI: 10.1093/geroni/igac059.2009.

Robertson D. A., Kenny R. A. Negative perceptions of aging modify the association between frailty and cognitive function in older adults // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 100. P. 120-125. DOI: 10.1016/j.paid.2015.12.010.

Stephan Ya., Sutin A. R., Terracciano A. Subjective aging and objectively assessed hearing function: A prospective study of older adults // *The Journals of Gerontology: Ser. B*. 2022. Vol. 77, № 9. Pp. 1637-1644. DOI: 10.1093/geronb/gbac018.

Tully-Wilson C., Bojack R., Milliar P.M., Stallman H.M., Allen A., Mason J. Self-Perceptions of ageing: A systematic review of longitudinal studies // *Psychology and Aging*. 2021. Vol. 36, № 7. Pp. 773-789. DOI: 10.1037/pag0000638.

Westerhof G. J., Nehr Korn-Bailey A. M., Tseng H. Yu., Brothers A., Siebert J. S., Wurm S., Wahl H. W., Diehl M. Longitudinal effects of subjective aging on health and longevity: An updated meta-analysis // *Psychology and Aging*. 2023. Vol. 38, № 3. Pp. 147-166. DOI: 10.1037/pag0000737.

Witzel D., Turner Sh., Hooker K. Daily Perceived Stress and Physical Health Symptoms: Moderation by Self-Perceptions of Aging. // *Innovation in Aging*. 2021. Vol. 5 (1). P. 602. DOI: 10.1093/geroni/igab046.2311.

Witzel D. D., Turner S. G., Hooker K. Self-Perceptions of aging moderate associations of

within- and between-persons perceived stress and physical health symptoms. // *The Journals of Gerontology: Ser. B.* 2022. Vol. 77, № 4. Pp. 641-651. DOI: 10.1093/geronb/gbab228.

Wurm S., Beyer A., Wiest M. Who stays active in old age? interplay of self-perceptions of aging and subjective life expectancy. // *The Gerontologist.* 2016. Vol. 56, Issue Suppl_3. Page 205. DOI: 10.1093/geront/gnw162.804.

Zigmond A. S., Snaith R. P. The hospital anxiety and depression scale. *Acta psychiatrica Scandinavica.* 1983. Vol. 67, Is. 6. Pp. 361-370. DOI: 10.1111/j.1600-0447.1983.tb09716.x.

References

Antonov, A. I., Nazarova, I. B., Karpova, V. M., Lyalikova, S. V. (2023), "The threshold of old age: objective signs and subjective perception", *Narodonaselenie*, 26 (3), 131-143, DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11. (In Russian)

Illarionova, V. L. (2022), "Socio-psychological aspects of the study of old age", *Aktualnyye voprosy psikhologii razvitiya i obrazovaniya: Sbornik materialov IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Sankt-Peterburg, 28-29 sentyabrya 2021 goda* [Actual issues of developmental psychology and education: Collection of materials of the IV All-Russian scientific and practical conference St. Petersburg, September 28-29 2021], A.S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia, 79-86, EDN: TEBIQI. (In Russian)

Kozlova, N. D., Zhdanova, S. Yu. (2020), "Attitudes towards aging among teachers in connection with socio-psychological characteristics of personality", *Psikholog*, (4), 20-22, DOI: 10.25136/2409-8701.2020.4.3278. (In Russian)

Kolpina, L. V. (2015), *Eidzhizm v obsluzhivanii pozhilykh grazhdan uchrezhdeniyami zdravookhraneniya i sotsialnoy zashchity* [Ageism in the service of elderly citizens by health and social protection institutions], Zebra, Ulyanovsk, Russia, ISBN: 978-5-9907022-5-7, EDN: ULKPWL. (In Russian)

Krasnova, O. V. (2004), *Psikhologiya starosti* [Psychology of old age], Bakhrakh-M, Moscow, Russia. (In Russian)

Krupina, K. M., Petrash, M. D. (2024), "Lifestyle and psychological well-being as predictors of positive perceptions of aging", *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya.*

Psikhologiya razvitiya, 13 (4), 334-345, DOI: 10.18500/2304-9790-2024-13-4-334-345. (In Russian)

Krupina, K. M., Petrash, M. D. (2023), "The concept of aging and lifestyle", *St. Petersburg Psychological Journal*, (42), 1-21, EDN: BMBUOI. (In Russian)

Lyalikova, S. V., Nazarova, I. B., Karpova, V. M. (2023), "Features of the perception of older people in Russian society", *Sociological research*, (10), 104-115, DOI: 10.31857/S013216250028308-1. (In Russian)

Petrash, M. D., Strizhitskaya, O. Yu., Krupina, K. M. (2024), "Adaptation of the Russian-language version of the Aging Perceptions Questionnaire (APQ)", *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 14 (2), 223-240, DOI: 10.21638/spbu16.2024.202. (In Russian)

Romanychev, I. S. (2024), "Fears of Aging: Towards a Mobilizing Role", *Russian Economic Bulletin*, 7 (3), 39-46, DOI: 10.58224/2658-5286-2024-7-3-39-46. (In Russian)

Strizhitskaya, O. Yu. (2018), *Psikhologiya pozitivnogo stareniya: usloviya, faktory i sotsialnye efekty gerotranssendentnosti* [Psychology of Positive Aging: Conditions, Factors and Social Effects of Gerotranscendence], Ph.D. of Psychology, St. Petersburg, Russia, EDN: YKQVQS. (In Russian)

Barnes, T. L., Musich, Sh., Wang, Sh., Kraemer, S., Yeh, Ch. (2019), "Self-perception of aging and associated characteristics among older adults", *Innovation in Aging*, 3(1), 837, DOI: 10.1093/geroni/igz038.3084.

Chen, J., Zheng, K., Xia, W., Wang, Q., Liao, Z., Zheng, Y. (2018), "Does Inside Equal Outside? Relations Between Older Adults' Implicit and Explicit Aging Attitudes and Self-Esteem", *Frontiers in Psychology*, 9. URL: <https://www.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2018.02313> (Accessed: 10 February 2026).

Deshayes, M. et al. (2020), "«Not performing worse but feeling older» the negative effect of the induction of a negative aging stereotype", *Psychology of Sport and Exercise*, 51, 101793, DOI: 10.1016/j.psychsport.2020.101793.

Diehl, M., Wurm, S., Levy, B. (2022), "Adults' views of aging as an underestimated risk factor for health, well-being, and longevity", *Innovation in Aging*, 6 (1), 426, DOI: 10.1093/geroni/igac059.1674.

- Giasson, H. L., Chopik, W. J., Yang, H. (2024), "Self-perceptions of aging predict adjustment during the COVID-19 pandemic", *Psychology and Aging*, 39 (7), 818-828, DOI: 10.1037/pag0000855.
- Hooker, K., Mejía, S. T., Phibbs, S., Tan, E.J., Stevens, J. (2019), "Effects of age discrimination on self-perceptions of aging and cancer risk behaviors", *The Gerontologist*, 59 (1), 28-37, DOI: 10.1093/geront/gny183.
- Ingrand, I., Paccalin, M., Liuu, E., Gil, R., Ingrand, P. (2018), "Positive perception of aging is a key predictor of quality-of-life in aging people", *PLoS One*, 13 (10), DOI: 10.1371/journal.pone.0204044.
- Kornadt, A. E., Rothermund, K. (2011), "Contexts of aging: Assessing evaluative age stereotypes in different life domains", *The Journals of Gerontology: Ser. B.*, 66B (5), 547-556, DOI: 10.1093/geronb/gbr036.
- Kornadt, A. E. (2016), "Do age stereotypes as social role expectations for older adults influence personality development?", *Journal of Research in Personality*, 60, 51-55, DOI: 10.1016/j.jrp.2015.11.005.
- Kotter-Grühn, D., Kleinspehn-Ammerlahn, A., Gerstorf, D., Smith, J. (2009), "Self-perceptions of aging predict mortality and change with approaching death: 16-year longitudinal results from the Berlin Aging Study", *Psychology and Aging*, 24 (3), 654-667, DOI: 10.1037/a0016510.
- Levy, B. R., Slade, M. D., Kasl, S. V. (2002), "Longitudinal Benefit of Positive Self-Perceptions of Aging on Functional Health", *The Journals of Gerontology: Series B.*, 5 (5), 409-417, DOI: 10.1093/geronb/57.5.P409.
- Levy, B. (2009), "Stereotype embodiment: A psychosocial approach to aging", *Current Directions in Psychological Science*, 18 (6), 332-336. DOI: 10.1111/j.1467-8721.2009.01662.x.
- Levy, B. R., Slade, M. D., Chang, E. S., Kanno, S., Wang, S. Y. (2020), "Ageism amplifies cost and prevalence of health conditions", *The Gerontologist*, 60(1), 174-181, DOI: 10.1093/geront/gny131.
- Nah, S., Martire, L., Tate, A. (2022), "Physical function, self-perceptions of aging, and depressive symptoms among older adults", *Innovation in Aging*, 6 (1), 527, DOI: 10.1093/geroni/igac059.2009.
- Robertson, D. A., Kenny, R.A. (2016), "Negative perceptions of aging modify the association between frailty and cognitive function in older adults", *Personality and Individual Differences*, 100, 120-125, DOI: 10.1016/j.paid.2015.12.010.
- Stephan, Ya., Sutin, A. R., Terracciano, A. (2022), "Subjective aging and objectively assessed hearing function: A prospective study of older adults", *The Journals of Gerontology: Ser. B.*, 77 (9), 16371644, DOI: 10.1093/geronb/gbac018.
- Tully-Wilson, C., Bojack, R., Millea, P.M., Stallman, H.M., Allen, A., Mason, J. (2021), "Self-Perceptions of ageing: A systematic review of longitudinal studies", *Psychology and Aging*, 36 (7), 773-789, DOI: 10.1037/pag0000638.
- Westerhof, G. J., Nehr Korn-Bailey, A. M., Tseng, H. Yu., Brothers, A., Siebert, J. S., Wurm, S., Wahl, H. W., Diehl, M. (2023), "Longitudinal effects of subjective aging on health and longevity: An updated meta-analysis", *Psychology and Aging*, 38 (3), 147-166, DOI: 10.1037/pag0000737.
- Witzel, D. D., Turner, S. G., Hooker, K. (2022), "Self-Perceptions of aging moderate associations of within- and between-persons perceived stress and physical health symptoms", *The Journals of Gerontology: Ser. B.*, 77 (4), 641-651, DOI: 10.1093/geronb/gbab228.
- Witzel, D., Turner, Sh., Hooker, K. (2021), "Daily Perceived Stress and Physical Health Symptoms: Moderation by Self-Perceptions of Aging", *Innovation in Aging*, 5 (1), 602, DOI: 10.1093/geroni/igab046.2311.
- Wurm, S., Beyer, A., Wiest, M. (2016), "Who stays active in old age? interplay of self-perceptions of aging and subjective life expectancy", *The Gerontologist*, 56 (3), 205, DOI: 10.1093/geront/gnw162.804.
- Zigmond, A. S., Snaith, R. P. (1983), "The hospital anxiety and depression scale", *Acta psychiatrica Scandinavica*, 67 (6), 361-370, DOI: 10.1111/j.1600-0447.1983.tb09716.x.

Статья поступила в редакцию 29 июня 2025 г.
Поступила после доработки 10 января 2026 г.
Принята к печати 05 марта 2026 г.
Received 29 June 2025. Revised 30 January 2026.
Accepted 05 March 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Шматова Юлия Евгеньевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской Академии наук, Вологда, Россия.

Yulia E. Shmatova, Candidate of Economic Sciences, Researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Гордиевская Александра Николаевна, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской Академии наук, Вологда, Россия.

Alexandra N. Gordievskaya, Researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.